

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (091)

КРИТИКА АКТУАЛИЗМА В КУЛЬТУРОЛОГИИ М.К. ПЕТРОВА

А.Е. Рыбас

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург

Рассматривается одно из ключевых понятий культурологии М.К. Петрова (1923–1987) – «актуализм», обозначающее широко распространенную, но глубоко ошибочную методологию изучения культур. Анализируются три основные формы актуализма, критике которых М.К. Петров уделял наибольшее внимание: социологический актуализм, знаковый фетишизм и эгоцентризм.

Ключевые слова: М.К. Петров, актуализм, знаковый фетишизм, суммативизм, эгоцентризм, европоцентризм, эффекты ретроспективы, методология исследования культуры.

Обращение к творческому наследию советского философа и культуролога Михаила Константиновича Петрова (1923–1987) обусловлено сейчас не только историческим интересом. Многие идеи, представленные в его фундаментальных исследованиях, не потеряли своего теоретического значения. Более того, они остаются, к сожалению, недостаточно изученными, в результате чего представление о вкладе М.К. Петрова в развитие философской культурологии в России нельзя назвать адекватным.

Одной из наиболее важных идей М.К. Петрова является критика «актуализма». Практически в каждой работе он так или иначе затрагивал эту тему, убедительно показывая, что без устранения данного явления невозможно добиться, с одной стороны, правильного определения предметности культурологического знания, а с другой – выработки эффективного метода изучения поликультурной реальности в ее динамике. Однако несмотря на пристальное внимание, которое уделял М.К. Петров критике актуализма, ее положения все еще нуждаются в содержательном анализе. Основная причина здесь в том, что современная культурологическая и культурфилософская мысль в России нередко оказывается в тех же ловушках или даже тупиках методологического редуционизма, которые хотя и были подробно описаны М.К. Петровым, но не получили в силу известных обстоятельств широкого распространения и должного признания. Акцентированное рассмотрение актуализма необходимо и по той причине, что в сочинениях М.К. Петрова это понятие определяется по-разному, в зависимости от контекста рассуждения; поэтому необходимо провести систематизацию основных трактовок актуализма, чтобы его критика была максимально полной.

Если попытаться выразить инвариантное существо актуализма в его разнообразных проявлениях, то можно сказать, что оно заключается в сведении сложных и исключаяющих однозначное истолкование феноменов

культуры (а также культуры в целом и множества различных культур в их взаимодействии и взаимовлиянии) к удобной схеме их объяснения. Эта схема, убедительность которой обуславливается конкретной парадигмой научного познания, или – шире – культурно-исторической эпистемой, обеспечивает требуемое *объяснение*, но затрудняет или даже делает невозможным *понимание* рассматриваемых явлений, поскольку, с одной стороны, актуализирует соответствующее «историческое априори» в качестве вневременного и универсального критерия истинности познания (или в качестве общекультурных, «вечных» ценностей), а с другой – элиминирует единичное, растворяя его в генерализирующем дискурсе, который и объявляется единственно верным способом объективного исследования. Таким образом, актуализм – это своеобразная методология непонимающего познания, или, вернее, это способ создания наукообразной иллюзии знания, которая сохраняет свою общезначимость именно потому, что из поля зрения выпадает сам познающий. Актуализм способствует утверждению «дисциплинарной вечности» [3, с. 255] и делает невозможным творчество, без которого развитие научного познания сводится на нет.

Легче всего можно показать недопустимость устранения субъекта из сферы познания культуры на примере критики стремления к идеалу строгой научности, как это делает М.К. Петров, рассуждая о *социологическом* актуализме. Это наиболее распространенный в настоящее время вид актуализма, который возникает в результате перенесения методов естествознания на изучение культуры. «Исследователь, – пишет М.К. Петров, – пока он находится под гипнозом опытной науки, ищет за частным общим и устойчивое, отбрасывая все случайное, уникальное, отклоняющееся, короткоживущее как “несущественное”, а затем уже из этого общего и устойчивого складывает целостную картину, которая, по его мнению, представляет предмет изучения ”как он есть”. Жертвой такого подхода оказывается и человек в его конечных определениях как монополярный смертный и недолговечный субъект социального познания. Он автоматически выпадает из результата исследования» [7, с. 24].

Социологический актуализм, согласно М.К. Петрову, характеризуется попыткой объективировать культуру и представить ее как картину – своего рода «чертеж» культуры, или ее «скелет», а затем такое «чертежно-скелетное» представление утвердить в качестве научного понимания культуры, претендующего на полноту и адекватность. М.К. Петров показывает необоснованность таких претензий: поскольку «рентгеновский снимок» культуры фиксирует лишь общее и постоянное, а все единичное и преходящее намеренно упускается из виду, то представление о культуре не может быть полным. Более того, оно не может быть и в принципе верным: именно единичное и преходящее является наиболее важным для понимания культуры, потому что оно задает «человекоразмерность миру» [6, с. 5–18] в целом. Так, если конкретные люди вместо того, чтобы быть агентами культуры, ее творцами, станут структурными элементами социальной системы, т.е. будут допущены «лишь на правах безличных, инертных, вечных мест крепления и адресов распределения столь же вечных ролей, видов деятельности» [7,

с. 24], то культура утратит «живую плоть» и превратится в застывшую схему, из статуса человеческого установления она перейдет в статус «естественного», не зависимо ни от человека, ни от человечества объекта.

Понятно, что изучение культуры, из которой заранее изъят человек как ее создатель, не имеет никакого смысла. Однако, несмотря на очевидность этой бессмысленности, «объективное» исследование культуры все еще пользуется достаточно большой популярностью. Дело в том, что притягательность объективизма, как показывает М.К. Петров, обуславливается успехами естественнонаучного познания, в результате чего методология точных наук становится образцом для наук гуманитарных или же полностью заимствуется ими. Однако нетрудно заметить, что культура как объект изучения принципиально отличается от природы: если по отношению к природе естествоиспытатель стремится занять позицию пассивного наблюдателя, то в культуре человек всегда является активным деятелем, и тем более тогда, когда он ставит перед собой задачу познания культуры. «Помехи» в естественнонаучном познании, вызванные наличием «субъективного фактора» и требующие устранения для достижения объективности, превращаются в *sine qua non* изучения культуры. Кроме того, культурологический дискурс, выступающий в форме «познания» культуры, сам является средством ее развития. Не удивительно поэтому, что каждый раз, когда удастся получить и распространить в качестве «правильного» то или иное объяснение культуры, оно уже не соответствует действительности и в лучшем случае позволяет судить лишь о пройденном этапе культурной эволюции.

Ярким примером негативного влияния социологического актуализма на исследование культуры выступает суммативизм – также довольно распространенное явление в научной литературе. Суть суммативизма заключается в претензии на то, чтобы учесть все факты культуры и таким образом добиться полноты индуктивных выводов, позволяющих судить о культуре в целом. На первый взгляд такое стремление к максимально большому охвату материала кажется вполне оправданным, поскольку оно способствует установлению объективной картины. Однако при более пристальном рассмотрении становится очевидным, что суммативизм – это синкретически тенденциозный подход, еще более искажающий действительное положение дел, чем те «субъективистские» истолкования культуры, против которых он был формально направлен. Суммативизм не только выхолащивает культуру, объективируя ее содержание таким образом, чтобы изъять из него человека как носителя и создателя культуры, но и делает невозможным «предрассудочное» знание, которое может быть относительно истинным в контексте соответствующей парадигмы культуры (когда отсутствие критической рефлексии, направленной на проблематизацию оснований познания, приводит к удачному объяснению существующей действительности вследствие того, что вместо конкретного исследователя «мыслят» фундаментальные культурные ценности, а *propter* принятые им в качестве безусловно истинных, но на деле обеспечивающие необходимое «количество» субъективности). В результате знание о культуре, которое позволяет получить суммативизм, сводится к совокупности неинформа-

тивных высказываний, число которых может бесконечно расти. Попытки систематизировать такое «знание» всегда будут обречены на провал, потому что изначально остается не ясным, что же имеется в виду под культурой, т. е. не дается никакого сущностного определения культуры, не выявляются принципы ее историчности и т. д. [4, с. 83–98].

Второй разновидностью актуализма выступает *знаковый фетишизм*. Это также широко распространенное явление в научной литературе, критике которого М.К. Петров уделял не меньшее внимание. В отличие от социологического актуализма знаковый фетишизм характеризуется категорическим отрицанием какого-либо значения методологии опытных наук для гуманитарного познания. Подчеркивая, и вполне обоснованно, несводимость культуры к биологическим явлениям, исследователи впадают в другую крайность, представляя культуру в качестве системы универсальных духовных ценностей, образующих ее инвариантное содержание. В результате культура, как правило, сливается с культом или подменяется той или иной метафизической конструкцией.

На первый взгляд метафизическое изучение культуры принципиально отличается от естественнонаучного, поскольку «мир свободы» и «мир природы» гетерогенны и никак не сообщаются друг с другом. Однако, как показывает М.К. Петров, сущностное противопоставление этих двух сфер, по крайней мере и прежде всего в плане познания, является ошибочным. В этом можно легко убедиться, обратив внимание на смысл высказывания «Быть познанным». Это высказывание означает, что то, что схвачено в акте познания (пусть даже само познание будет интуитивным, сверхчувственным и т. п.), должно быть выражено таким образом, чтобы его можно было передать другому человеку, который сумел бы его понять, хотя бы в общих чертах, и затем продолжить процесс трансляции. Очевидно, что необъективированное знание вообще не является знанием, это в лучшем случае лишь предвосхищение того, что может только знанием стать – в том случае, если для него найдется соответствующая «упаковка». Действительно, каким бы гениальным ни был исследователь и как бы далеко он ни продвинулся в изучении культуры, результаты его работы будут определяться тем, насколько он будет понят, истолкован и признан. Все, что окажется за границей возможного понимания, останется невостребованным и, следовательно, не окажет на культуру никакого воздействия.

Итак, «царство духа» как предмет познания ничем, по сути, не отличается от природы: и в том и в другом случае происходит объективация, порождающая иную – *знаковую* – реальность, которая и представляет собой соответствующую систему знаний. Важно понять, что знак – это лишь средство трансляции знаний, которые не имеют никакого смысла без конкретного человека, потому что они используются исключительно с целью «собирания социальности», а не для объяснения внешнего мира или постижения Абсолюта. Знаки создаются людьми и всегда являются условными и временными обозначениями успешных коллективных действий, позволяющих добиться определенного результата, но они не репрезентируют «подлинную» реальность. Когда же знаку начинают приписывать не зави-

сящие от человека свойства, онтологизируют его, считают автономным и вечным, тогда он превращается в «фетиш» и, как нечто бессмертное и необходимо истинное, противостоит случайности смертных его носителей. Знаковый фетишизм, подобно социологическому актуализму, приводит к отрицанию творческой активности человека как в сфере познания, так и в сфере культуры. «Знак, – пишет М.К. Петров, – прекрасно справляется с задачей фиксации и неопределенно долгого хранения знания, позволяет менять и “переписывать” знание, но, подобно книге или магнитофонной ленте как своим разновидностям, знак начисто лишен инициативы, воли, стремления, направленных на изменение знания. И хотя человечество по ходу своей истории многократно впадало в безудержный знаковый фетишизм, пользовалось, да и пользуется “взбесившимися знаками” типа Творца, Бога, Закона, Истории, Логики, Науки, Интеллекта, Формулы, Тенденции и прочих самостных фантазий с большой буквы, знак никогда не поднимался выше полезного и необходимого средства, всегда был творением человеческим для обеспечения человеческих же нужд» [7, с. 36].

Обнаружение знаковой реальности как единственной, доступной человеку в аспекте его познавательной деятельности, устраняет онтологическую пропасть между *res cogitans* и *res extensa*, а вместе с ней и традиционный дуалистический способ интерпретации сущего. Это позволяет по-новому понять как объект исследования, так и методологию познания. Исходя из этого, М.К. Петров предложил свою теорию «социального кодирования» и разработал такой подход к изучению культуры, который учитывал, с одной стороны, активность человека, несводимость его культурно-творческой деятельности к биологическим и физическим процессам, а с другой – позволял построить систему объективного знания. По мысли М. К. Петрова, культурология может претендовать на статус науки только в том случае, если она будет базироваться на принципах монизма, что предполагает отказ от сущностного мышления и понимание того, что «в человеческом мире есть лишь один творец – человек, все остальное, нравится это человеку или нет, – его творение» [5, с. 315]. Но как раз этому и препятствует знаковый фетишизм, или привычка приписывать реальность мыслительным конструктам, выдавать результаты своего творчества за «открытие» априорных характеристик сущего. Преодоление знакового фетишизма является одной из важнейших задач современной культурологии.

Третью разновидность актуализма можно обозначить термином *эгоцентризм*, хотя он и не принадлежит М.К. Петрову. Критика эгоцентризма, особенно в форме разоблачения «смертного греха евроцентризма» [2, с. 26], всегда была отличительной чертой русской культурологической мысли, и в данном случае М.К. Петров выступает продолжателем традиции, начатой Н.Я. Данилевским [1] и Н.С. Трубецким [8, с. 55–104]. Заслуженной М.К. Петрова является рассмотрение эгоцентризма в более широком контексте и с чисто теоретической точки зрения, вне специфики противопоставления России и Европы.

Прежде всего, М.К. Петров показывает, что, поскольку логика эгоцентризма предполагает не критическое отношение к собственным взглядам

или ценностям, составляющим содержание той культуры, к которой принадлежит исследователь, она также функционирует благодаря наличию ряда неизменных параметров, запускающих механизм объяснения. Полученное таким образом объяснение представляет собой не что иное, как актуализацию этих постоянных параметров, что и позволяет считать эгоцентристский дискурс разновидностью актуализма. В правомерности данного вывода легко убедиться, сравнив эгоцентризм с социологическим актуализмом и знаковым фетишизмом. Все указанные стратегии познания сходны в том, что за калейдоскопическими узорами случайных фактов изменяющейся действительности они требуют обнаружения чего-то неизменного и вневременного, что и провозглашается существом «самого дела». Отличия сказываются лишь в том, что берется в качестве подлинной реальности: для социологического актуализма – непреложные законы природы, для знакового фетишизма – логически выверенные умозрительные построения, а для эгоцентризма – имплицитные основания собственного существования.

Критикуя эгоцентризм, М.К. Петров обращает внимание на то обстоятельство, что догматическое принятие установок собственного мышления или ценностей своей культуры в качестве безусловно истинных приводит к неверному пониманию не только другого, но и самого себя. Очевидно, что адекватное самопознание невозможно в том случае, если познающий изначально является критерием истины. Но и понимание другого оказывается здесь формальным; вернее, оно представляет собой всего лишь проекцию собственных воззрений на предмет исследования. В результате эгоцентризм доводит до логического конца методологию актуализма, как нельзя лучше демонстрируя ее несостоятельность: актуализируя то, что нам кажется несомненным, мы оказываемся неспособными схватить действительность и попадаем в плен к своим представлениям, а суждение о другом непременно превращается в осуждение другого.

В плане культурологических исследований эгоцентризм выражается в попытках обосновать возможность и необходимость единой культуры, имеющей универсальное (общечеловеческое) значение. Это безобидное на первый взгляд стремление оказывается на деле, согласно М.К. Петрову, весьма опасной тенденцией, которая не ограничивается созданием соответствующих теорий, а требует их реализации на практике. Опасность здесь заключается в том, что под видом универсальных ценностей утверждаются ценности какой-то одной культуры, которая получает тем самым привилегированный статус и право на господство, т. е. на устранение вариативности культурного развития. В итоге возникает эгоцентристская типология культур, нивелирующая их специфические черты и оправдывающая политику культуртрегерства. Кроме того, в случае успешного осуществления идеи культурного универсализма запускается механизм деградации господствующей культуры, что приводит к неизбежности ее системных кризисов.

Рассматривая существующие в настоящее время типы культур, М.К. Петров пришел к выводу, что они представляют собой автономные образования и не могут считаться ступенями развития единой культуры. Разнообразие культур и их независимость друг от друга свидетельствуют о том,

что задача выстраивания социальности имеет не одно, а несколько решений, причем каждое из этих решений, коль скоро оно оказалось востребованным в реальной жизни, имеет одинаковое право на существование и должно быть всецело признано. Следует подчеркнуть, что этот факт не только не препятствует систематическому изучению культурных феноменов, но и является его важнейшим условием. Действительно, содержательная вариативность культур не провоцирует утверждение анархизма ценностей и не приводит к войне всех против всех, а способствует поддержанию межкультурного диалога, благодаря которому только и можно рассчитывать на взаимопонимание и, как его следствие, на научное познание. По мысли М.К. Петрова, культурология состоится как наука только в том случае, если предметом ее исследования станут универсальные механизмы, обеспечивающие создание, сохранение и развитие социально-культурных целостностей, а не индивидуальные наборы ценностей, взятые как «знаки-в-себе», вне контекста их функционирования. Таким образом, культурология должна изучать не сущности, а отношения между ними; постоянство этих отношений (обусловленное тем, что все социально-культурные общности удерживают в единстве некоторое число индивидов, распределяют по ним виды социально необходимой деятельности, обеспечивают социальную и культурную преемственность) гарантирует объективность культурологического познания.

Еще одним отрицательным последствием эгоцентризма является восприятие событий прошлого или инокультурных явлений через призму современного (актуального) знания, что приводит к идее надкультурной природы науки и отрицанию самодостаточности других культур. Происходит это потому, что исследователь, находящийся под влиянием эгоцентристской методологии, оказывается неспособным замечать «эффекты ретроспективы» и вносить коррективы в процесс познания. Эффекты ретроспективы всегда сопутствуют трансмутации – важнейшей для культуры форме общения, благодаря которой вырабатывается и фиксируется в социокоде новое знание. Как показывает М.К. Петров, успех трансмутации зависит от исторически сложившихся и функционирующих в культуре каналов трансляции знания, вследствие чего новое всегда утверждается в качестве общезначимого лишь в том случае, если оно сумеет найти опору в старом, представить себя как этап его развития: «вавилонские башни смысла никогда не строят с нулевой отметки, их всегда надстраивают» [7, с. 74]. Таким образом, в результате трансмутационного акта объяснения не только новое становится наличным, входит в массив наличного знания, но и наличное в той степени, в какой оно вовлечено в акт объяснения, «становится новым, “обновленным”, приобретает значение и оттенки значений, которых оно прежде не имело» [7, с. 80]. Утверждение нового посредством актуализации старого приводит к постоянному переосмыслению традиции, что выражается, в частности, в «переписывании» истории и в подмене традиционно ценного содержания культуры новым при формальном сохранении авторитета традиции. Эгоцентризм, заставляющий исследователей открывать «подлинные» традиции или «неидеологизированную» историю, ведет их по ложному пути и лишает чувства историчности, а иногда и вообще здравого смысла.

Список литературы

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 816 с.
2. Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М.: РОССПЭН, 2004. 776 с.
3. Петров М.К. Логический фетишизм Гегеля и проблема социальной ответственности // Петров М.К. Историко-философские исследования. М.: РОССПЭН, 1996. 510 с.
4. Петров М.К. Методологические проблемы культуроведения // Философское и культурологическое руссиеведение: феномен восточнохристианской цивилизации. Ростов н/Д: EN APXH, 2003. С. 83–98.
5. Петров М.К. Роль языка в становлении и развитии философии // Историко-философский ежегодник. 1991. М., 1991. С. 310–335.
6. Петров М.К. Человекоразмерность и мир предметной деятельности // Человек. 2003. № 1. С. 5–18.
7. Петров М.К. Язык. Знак. Культура. М.: Наука, 1991. 328 с.
8. Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс-Универс, 1995. 799 с.

CRITICISM OF ACTUALISM IN M.K. PETROV'S CULTUROLOGY

A.E. Rybas

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

The article deals with “actualism”, one of the key terms of M. K. Petrov’s (1923–1987) culturology. This term refers to a widespread, but deeply wrong methodology of studying cultures. The three main forms of actualism criticized by M.K. Petrov are analyzed: sociological actualism, sign fetishism, and egocentrism.

Keywords: *M.K. Petrov, actualism, sign fetishism, summativism, egocentrism, Eurocentrism, effects of a retrospective, methodology of culture studies.*

Об авторе:

РЫБАС Александр Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент кафедры русской философии и культуры Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург. E-mail: alexirspb@mail.ru

Author information:

RYBAS Aleksandr – Ph.D., Associate Professor, Russian Philosophy and Culture Department, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg. E-mail: alexirspb@mail.ru